

кусно сплетенное и важное явление»¹² Приводя эту фразу из рецензии по поводу сцены объяснения несчастных любовников из 4-го явления первого действия, Мерзляков недоумевает, в чем здесь можно найти искусное ведение действия драмы: «Тогда только может быть оно важным, когда находится в нем новая побудительная причина, новое средство к завязке, к остановке или ускорению действия!».¹³ Но именно этого критик в отмеченном рецензентом явлении, «важном», по его мнению, и «искусно сплетенном», как раз не находит. С точки зрения Мерзлякова, отношения между Ильменой, Синавом и Трувором, раз заданные, пребывают в состоянии инертности и действие трагедии почти не движется. Необязательность реплик, противоестественность монологов, неуместные порывы Ильмены к «философствованию» — все это, по мнению критика, снижает художественные достоинства пьесы.

Но наиболее резкие возражения вызывают у Мерзлякова те положения рецензии, где «парижский» критик приоткрывает наличие в трагедии идеологического подтекста, связанного с заключенными в речах отдельных персонажей политическими аллюзиями. Подобная идейная направленность сумароковских трагедий, призванных быть училищем монархов и школой словесных добродетелей подданных, составляла едва ли не главную ценность их в глазах зрителей. И рецензент это прекрасно чувствовал, когда давал оценку сцены из второго действия, где Трувор напоминает своему брату Синаву, ставшему правителем Новгорода, о его монаршем долге: «Князь Трувор продолжает здесь нравоучение свое, утверждая оное многими рассудительными изречениями. Должно благодарить Автору, что он при сем случае толь храбро ополчается *против неправды и свирепости, пороков ненавистных, в которых многие часто обвиняли самодержавное правление и которым Отечество его неоднократно в жертву приносимо бывало.* .».¹⁴ Эту цитату из рецензии с оценкой упомянутой сцены Мерзляков приводит в своей статье, чтобы тут же ее опровергнуть. Он буквально взрывается, захлебываясь от негодования, ибо усматривает в рассуждениях своего анонимного оппонента дух вольномыслия, образ мыслей философов XVIII столетия, идеологически ответственных за революционные потрясения во Франции: «Несчастной человек! как ты жалко обнаруживаешь свое невежество и как очевидно неискусно изливаешь яд свой! <...>

¹² Вестник Европы 1817 Ч ХСIII С 277

¹³ Там же

¹⁴ Там же Ч ХСIV С 28–29